

Крестьянские сообщества сегодня (южно-российский вариант)

ВИНОГРАДСКИЙ Валерий Георгиевич - доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем развития аграрно-промышленного комплекса РАН (Саратов).

Для начала - два предварительных замечания. Во-первых, однозначно определить, выразить в понятиях суть крестьянского общества как особого способа организации жизни его субъектов, на мой взгляд, весьма затруднительно. К тому же, настаивая именно на таком, а не ином определении черт и принципов крестьянского существования, мы постоянно рискуем пропустить что-то важное, но не бросающееся в глаза. Поэтому я не буду формулировать каких бы то ни было общих правил, а лишь попытаюсь добавить к накопленному в науке богатству взглядов на крестьянские общества те определения, которые возникли у меня в ходе полевых социологических наблюдений южного региона аграрной России, в процессе изучения крестьян одной из кубанских степных станиц.

Во-вторых, о *сегодняшнем* состоянии крестьянских обществ можно говорить в известной степени условно. Дело в том, что они устроены так, что каким-то непостижимым образом сопротивляются попыткам их систематического научного истолкования. Во всяком случае, они неудобны для понимания, тем более в таких исторических масштабах, как "сегодня". Важнейший принцип организации крестьянских обществ, на мой взгляд, состоит в том, что они широко развернуты как во времени, так и в пространстве. И в их "сегодня" прочно впрессованы все крестьянские "вчера" и "позавчера". Поэтому моменты трансформации сегодняшнего крестьянства становятся заметными и выразительными тогда, когда мы выходим на них с достаточно глубокими историческими горизонтами.

Центральными субъектами российских крестьянских обществ были и остаются, с одной стороны, крупные коллективные хозяйства и, с другой, семейные крестьянские дворы. Это два полюса жизненной активности сельских социумов, - как "сегодня", так и "вчера". О них я и буду говорить. Но в своем анализе постараюсь специально не входить, так сказать, ни в ворота крупной хозяйственной институции (колхоза, АО, товарищества и т.п.), ни в калитку семейного двора. Я попытаюсь удержаться где-то посередине.

"Сегодня" крестьянских обществ уходит корнями в далекое "позавчера", к началу 1930-х годов. Тогдашнее его состояние я вместе с коллегами по крестьяноведческому проекту Теодора Шанина изучал по устным семейным историям, которые мы записывали в разных регионах сельской России. Сильно упрощая, можно сказать, что отношения колхоза и семейного двора складывались так, что колхоз выступал своеобразным "филиалом" крестьянского семейного хозяйства. Он был в определенном смысле инобытием, сколком двора, являлся как бы дренажной системой, активно впитывающей принципиальные хозяйственно-экономические параметры дворового устройства.

В самом деле, основные рабочие инструменты двора забрал колхоз. Он же оттянул на себя и систему трудовых привычек крестьянства. Большую часть времени крестьяне были заняты в общественном производстве и до собственного дворового хозяйства руки у них почти не доходили. Воспоминания о сельском труде, приуроченные к данному историческому периоду, буквально переполнены рассказами о работе в колхозе. Колхоз рассматривается не как нечто постороннее, чужое, а скорее как расширенный до границ хозяйства крестьянский семейный двор. Из воспоминаний отчетливо видно, как крестьянский двор систематически воспроизводил в колхозном труде свои "дворовые привычки" - заботиться сразу о многом, извлекать выгоды и ресурсы выживания из мелочей. *"Мы с весны 1931 года стали в колхозе жить. Стали подготавливаться к севу. Кузница своя была. Стали плуга делать, бороны. Я сама боронила, копны возила. Петенька стал подрастать, я его в ясельки возила. На пашине поставили два дома. Мужики там ночевали,*

а мы утром что настраиваем, несем им. Рожь сеяли, а мы снопы вязали" (Плотниково Новосибирской обл. Волкова¹).

Повторяю, обозначенная здесь схема весьма груба. Однако, как мне кажется, формула "колхоз - филиал, сколок двора" достаточно адекватно передает сущностные характеристики крестьянского общества первого десятилетия новой жизни.

Довольно скоро это состояние начало меняться. Предвоенный и особенно послевоенный крестьянский двор хотя и медленно, но уже сознательно начал избегать привычной дворовой крестьянской самоэксплуатации и принял новые, колхозные правила - не особенно напрягаться и выкладываться. В это время начинается постепенное перерождение крестьянского двора в сообщество функционеров, работающих не по собственному понятию и плану, а по ежедневному бригадирскому наряду. Подобная колхозная практика снимала с человека часть забот, связанных с необходимостью самостоятельного выживания. Но эта внезапно наступившая беззаботность, как я понимаю, не была для членов самостоятельного крестьянского двора желанным поворотом судьбы. Внутреннее сожаление и даже отчаяние до сих пор слышится в интонациях крестьянских семейных историй. Крестьяне, хваля колхоз, внутренне его презирают. *"В колхозе лучше. Легче! Да ведь что в колхозе? Пошли, день проработали, грабли или косу, или мотыгу бросили - и шабаш. В колхозе-то не надо особо стараться. А в своем-то одиночестве?.. То нет плуга. То лошадь околела. То корова. То хомут сломался, то еще чего-нибудь. Это все забота, сухота-то, была наша! Тогда вся забота была на человеке, на хозяине!. А сейчас нет ничаво! Или работать не хотят люди?.."* (Лох Саратовской области. Симакина).

Радикальное изменение отношений основных субъектов крестьянского общества явилось результатом "тихой коллективизации" 1960-х годов, когда произошло укрупнение коллективных хозяйств и массовое сселение так называемых "неперспективов". Эта акция имела не менее трагичные последствия, чем первая "громкая коллективизация". Только на этот раз раскулачили душу крестьянина. Это подтолкнуло к отъезду многих. *"Объединение сильно повлияло на общую психологию людей. Они это восприняли как унижение, как обиду. И это вызвало большой отток. Казалось бы, что произошло! Просто объединились. Все те же поля, все то же животноводство... Нет, человека это сильно обидело!"* (Шабаново Кемеровской области, Рудаков).

В результате структура крестьянского общества радикально перестроилась, и уже двор превратился в филиал колхоза. Двор начал интенсивно отфильтровывать в себя все то, что плохо лежало" в колхозе, становясь эксплоярным хозяином значительной части коллективно произведенного добра. Предельно кратко это состояние тогдашнего крестьянского общества выражено в известном народном присловье: "Все вокруг колхозное, все вокруг мое". Теряя свое экономическое значение как относительно самостоятельно действующая система, двор на фоне резко укрупнившихся колхозов и совхозов потерял и свою удельную массу. Он уже был занят не поисками собственной ниши в новой хозяйственной ситуации, а начал быстро, систематически и сознательно подключаться к финансово-ресурсному потенциалу коллективного хозяйства. Колхоз стал рассматриваться крестьянством в качестве доступной "инфраструктуры" двора.

Двор в эти годы утрачивает свои родовые характеристики. Несмотря на то, что крестьяне, воспитанные с детства в кропотливой заботе о собственном хозяйстве, нередко продолжали транслировать эти дворовые привычки в колхозную работу, это стало восприниматься не как норма, а как чудачество и глупость. Если в доколхозном и в раннеколхозном дворе любая технологическая операция проделывалась *с начала до конца* (посадка - уход за растениями - уборка; весновспашка - боронование - осенняя пахота), то в позднеколхозном дворе *начало* многих хозяйственных технологий отыскивается в колхозе или иной организации (пахота и обработка почвы на колхозной технике в рабочее время, покупка или замена молодняка, получение цыплят, дров, угля, стройматериалов, сенокос на кормовых колхозных полях и вывоз сена за счет колхоза и др.).

Двор, таким образом, заболел преимущественно о *конце* труда: он завершал работу по дорашиванию, достраиванию, доделыванию и доведению до финиша тех процессов, исток которых находился вне крестьянского хозяйства. Эта ситуация, разумеется, облегчила крестьянский труд. Но она одновременно избаловала работника, выработала привычку трудиться спустя рукава, обострила его хитрость и способность к приспособленчеству. Таким образом, в 1960-1970 гг. произошел окончательный "развод" колхоза и крестьян-

¹ Здесь и далее приводятся высказывания крестьян из различных регионов России.

ского двора, и последний начал систематически "объегоривать" родной колхоз, превратившись в его, так сказать, эксплоярный филиал.

Что же происходит с крестьянским обществом сегодня? Я полагаю, что оно воплощает в своей организации довольно сложную и противоречивую комбинацию обоих состояний, через которые прошло за годы советской истории. Сейчас двор и колхоз - взаимные филиалы, взаимные "фильтры", взаимные "угодя", между которыми происходят ежедневная борьба и сотрудничество. Это странное состояние, похожее на бег по кругу или даже взаимное преследование, может оказаться, как мне представляется, весьма продуктивным для судеб аграрной России, поскольку именно в нем реально испытываются и отбираются различные (как положительные, так и негативные) возможности и правила социально-экономического выживания крестьянства.

Самый популярный лозунг крестьянского общества: "Умрем, но вместе!" Это — подлинное слова, прозвучавшие в 1992 г. на общем собрании колхозников в ответ на провокационную инициативу местного начальства разойтись на 35-40 микроколхозов. Что это означает? То, что сегодня ни двор, ни крупное хозяйство не хотят ничего менять в устройстве крестьянского общества. Они демонстративно традиционны. Они якобы умирают вместе, причем напоказ - "на миру и смерть красна". Каковы же формы этого показного умирания?

Колхоз, выступающий в форме филиала крестьянского двора, буквально убивает его субъектов. Убивает в форме жесточайшей эксплуатации на пропалочных и плантационных работах (за сезон каждому акционеру надо пройти с тяпкой 67,2 километра по свекловичным полям и проползти 26,4 километра на огородных культурах), в форме систематической невыплаты и многомесячной задержки зарплаты, уровень которой смехотворно мал (от 40 до 120 тыс. руб.) в форме придерживания выдачи натуре и т.п. Рассказы местных крестьян переполнены жалобами на колхоз, который систематически обворовывает крестьянскую семью. *«Ведь гектар сахарной свеклы выдолоть - это страшная работа! Если вы будете здесь летом, посмотрите, как мы пашем, как ишачим! И что мы получаем за это - смех и грех! Это ни в какие рамки не лезет... А станешь им, начальству, то есть, про это говорить, а они в ответ: "Да ты больно умная, да ты больно грамотная, да ты такая-сякая..."»* (Работница консервного завода).

И в то же время колхоз постоянно "закрывает глаза" на воровские акции двора, состав которых весьма разнообразен и изобретателен. Колхоз систематически "прощает" двору его эксплоярно-криминальные инициативы. Вот реплика заведующего фермой, прозвучавшая на одном из производственных совещаний: *"Как бы мы ни старались, 50-70 тонн сена обязательно уйдет в станицу! Помните, как было всегда? Заготавливаем 950 тонн, но из них 50 тонн надо сбрасывать на воровство! Или, как это у нас называется - "на благоустройство Привольной..." И если не будем закрывать глаза на эти 50 тонн, если будем применять репрессивные меры, то у нас все сено просто спалит!"* Вот она - местным обычаем узаконенная комбинация колхозной экономики с экономикой крестьянского двора. Эта молчаливо установленная норма воровства - норма, находящаяся вполне в рамках приличий.

Еще один пример. Говорит начальник колхозной охраны: *"Вот вчера на планерке председатель велел наказывать людей за воровство. Но как я это сделаю?! Ведь все же свои! Это же наши отцы!.. Ну, правильно: зерна в этом году дали мало, всего по 500 килограммов. 300 килограммов он смеет на муку. Разве оставшимся четырьмя мешками он прокормит птицу, поросенка?! Вот он и лезет в кукурузу. Сейчас тащат очень много. Вот началась уборка лука... на поле едут и те, кто работал на подряде, и их родня, - все на своем транспорте. Разве за ними уследишь... Я тут 20 лет работаю, сначала участковым, а сейчас - начальником колхозной охраны. Никогда не было так трудно, как сейчас. С каждым днем все круче и круче воруют. И понять людей можно... И прощаем мы их, не наказываем".* И это иррациональное сочетание кнута и пряника.

С другой стороны, двор, выступающий в роли филиала колхоза, убивает последний в формах систематического уклонения от обязательных работ, предъявления разного рода медицинских справок о нездоровье, полученных за взятку ("за сало", как здесь выражаются), в формах так называемого "залегания на дно", забастовок, халатности, демонстративного невыполнения производственных технологий и т.п.

Вот выразительный обмен мнениями трех колхозных начальников, дословно записанный на одной из рабочих планерок.

Заместитель председателя: *"Списочный состав работников колхоза на глазах убывает. Вот, если в январе по спискам у нас было фактически 1 537 человек, то в мае, когда составляли списки всех трудоспособных на прополку свеклы и бахчевых, в них оказалось всего 1 223 человека. Куда же деваются люди?"*

Главный агроном (мрачно): *"Да они залегают на дно, прячутся, когда начинается тяжелая работа! . Набирается у нас немало таких "хитромудрых", которые не берут по гектару свеклы, а ухитряются полоть только по тридцать, сорок, пятьдесят соток. Надо их вылавливать, позорить и привлекать на прополку лука и помидоров!.. Ишь, какие умные нашлись..."*

Главный зоотехник: *"Да, у нас в колхозе очень сильна уравнилельная психология. И никто особенно не хочет совмещать - ведь это ж надо как работать? Кто и может совмещать, способен на это - не хочет. Он покрутится на работе два часа утром и два часа после обеда, наворует себе чего-нибудь мимоходом по мелочи и идет холить своих свиней или рыбой промышлять..."*

Колхозные властные функционеры постоянно раздражены этой непокорностью, неудобностью и несговорчивостью крестьян и не упускают случая попенять семейному двору за это.

Заместитель председателя: *"Тутошние крестьяне, - хитрый народ! Они не привыкли работать физически. Они привыкли все время в колхозе воровать, да торговать, да спекулировать: рыбой, раками... Народ очень хитрый! К работе люди не особо тянутся".*

И в то же время именно члены двора способны, когда необходимо, выкладываться без остатка в труде на общественном поле и на ферме. Но этих опорных точек колхозного труда становится со временем все меньше и меньше. Председатель колхоза часто повторяет: *"Настоящих работников у нас - горстка! В каждой бригаде есть не более 5-6 человек, которые действительно работают, забыв о себе..."* И все же эти люди есть в хозяйстве постоянно, и к ним время от времени присоединяется остальное сельское сообщество, включая обслугу, управленцев, медработников, школьников и учителей.

В итоге получается, что одной из важных характеристик сегодняшнего крестьянского общества является то, что производственно-экономические интересы колхоза и двора как центральных его субъектов сбалансированы: хотя и стихийно, но весьма точно. И в этом балансе учтены все факторы, начиная от характера погоды, влияющего на урожай и кончая личностными свойствами председателя и бригадиров. Поэтому на поверку демонстративный лозунг здешнего сельского мира "Умрем, но вместе!" есть лишь вывеска, лишь своеобразная крестьянская идеология, прикрывающая суть, которая может быть сформулирована в контрформуле "Будем жить, но порознь!" И эта взаимная филиальность колхоза и двора, когда они буквально фильтруют, выкачивают, дренируют друг друга, эта их странная, но продуктивная нынешняя комбинация - изначально амбивалентна. Эта комбинация прекрасна, поскольку сельская жизнь в форме якобы умирания и страдания идет своим чередом, строятся новые богатые дома, хорошо одеты дети, автомобили и дорогая бытовая техника есть в каждом доме. В то же время эта комбинация отвратительна, поскольку вынуждает субъектов крестьянского общества быть социально-экономическими оборотнями, запрограммированными на обкрадывание ресурсов и жизненной энергии своего партнера, лгущими друг другу систематически как в словах, так и в делах.

Главный ветврач: *"Доярки врут, заведующая врут, скотники врут - врут, что кормят, ухаживают, выпаивают... Сплошное вранье!.."* Заместитель председателя: *"Все врут сейчас, безбожно. Никому нельзя верить - ни начальнику, ни крестьянину, ни мне, ни тебе! Ну, тебе-то можно, ты ж не колхозник..."*

Мне кажется, что в борьбе субъектов нынешнего крестьянского общества инициатива находится у двора, который более решителен и поворотлив. Семейное крестьянское хозяйство, стремясь выжить, начинает систематически обрезать и ликвидировать те каналы связей его с крупным хозяйством, которые так или иначе воплощают в себе идею сотрудничества, идею работы на общую пользу, идею "родного колхоза". И если в 30-е годы колхоз был филиалом двора, а в 60-е уже двор стал филиалом колхоза, то в середине 90-х годов колхоз и двор, "умирая вместе", постепенно и разъединяются, предполагая "жить порознь". И только те информационные каналы и связующие нити остаются, по которым со стороны колхоза идут все более слабые, затухающие властные импульсы (начальства просто не слушаются), а со стороны семейного хозяйства идут все более сильные,

изобретательные и отчаянно смелые сигналы неповиновения, конфронтации, презрения к колхозу. И это уже не столько филиалы, сколько разные лагеря, разные структуры, разные миры.

Но что самое интересное и важное - действующие лица здесь одни и те же. Механизатор в колхозе, вернувшись с работы, рассказывает, какой он дурак и осел, что старается прилежно трудиться на общественном поле! И затем говорит: *"Я не буду там больше горбатиться"*. Но тот же механизатор, находясь в бригаде, в коллективе, на миру, инстинктивно "держит марку", выкладывается, помогает коллегам, сотрудничает с руководством, по-своему любит бригадира и считает его лучшим. И все это происходит одновременно. Мне кажется, что это - огромное испытание для психики российского человека, которое он, впрочем, успешно выдерживает.

Колхоз в свою очередь старается сохранить свою человеческую (точнее, кадровую) инфраструктуру, сберечь колхозную гвардию, воспроизвести работников, чтобы продолжать такую практику жизни, когда начальство может капитально наживаться, строить дома в городах и на курортах, покупать и менять машины, прихватывать землю и акции хозяйства, опираясь на богатство, создаваемое деревенскими работягами. И только в качестве рабов колхозу нужны станичники! С ними заигрывают, позволяют им воровать, спускают им пьянство, вешают их фотографии на Доску почета.

И вот это двоедушье, оборотничество, такая амбивалентность - не есть что-то ненормальное. Наоборот, это норма, принцип жизни, правила игры. О них никогда не говорится в открытую, но они молчаливо приняты всеми. Между прочим, в первые полгода на Кубани очень трудно жить, общаться, разговаривать. И я это слышал от многих переехавших сюда на жительство россиян. А почему? Да потому, что в здешнем повседневном существовании есть второе дно, есть оборотная сторона жизни, о которой все знают, по законам этой двойной жизни живут, но о которой тебе никогда не расскажут.

В заключение я бы хотел акцентировать впечатления от наблюдений нынешнего способа взаимодействия крупного хозяйства и крестьянского двора.

Семейный двор, как бы ни был он открыт и доступен сельскому обществу, "миру", все же одновременно и особая, в меру закрытая, относительно автономная хозяйственная и социально-культурная система. Сегодня он становится и своим собственным центром, и филиалом. И, если подняться от села и двора на уровень общества, весьма вероятен следующий вывод: какой бы ни была государственная экономико-политическая машина, крестьянский двор будет стремиться занять в обществе особое место, одновременно связанным с центральным "силовым агрегатом" (политическим, экономическим, ресурсным) и, по возможности, отключенное, независимое, в меру далекое от него. *"Нам бы никакой власти не надо!"* - так высказался однажды старый саратовский крестьянин В.И. Вороников.

Председатель колхоза чуть ли не ежедневно ругает на планерке руководителей за то, что колхозный транспорт ночует в станице, что горючее рекой льется "налево", что урожай на четверть растаскивается и т.д. Обещает назавтра же примерно наказать виновных, но буквально через минуту все это забыто. В практике нынешнего крупного сельхоз-предприятия, кажется, не достает спокойной, рациональной, законной, "капиталистической" жесткости. Не хватает правил разумной хозяйственной игры. Но, и в этом, как я полагаю, суть эксплоярности сегодняшнего колхоза, подобные правила немедленно остановили бы большое колесо жизни, которое, хотя и со скрипом, но безостановочно вертится в этом уголке южной России. Ведь его вращает не только колхоз, но и крестьянские дворы. Здешняя колхозно-хозяйственная жизнь замешена на нерациональности, на лукавстве, на ненормальной трудовой отваге, которая, на поверку, лишь средство для веселой казачьей пирушки или каких-то "левых" льгот. Я наблюдал, как главный зоотехник, пообещав три литра джамура (местного самогона) механизаторам, чтобы те постарались "свернуть" огромный кусок срочной работы, уехал в Краснодар. А когда вернулся после сильнейшего дождя, остановившего все колхозные дела, увидел, что кукурузное поле скошено, убрано и комбайны перегнаны в другую бригаду. Главный зоотехник с неподдельным чувством хозяйской удовлетворенности и даже с восторгом сказал: *"Да я им теперь не три, а пять литров выставлю!"*

Здешняя хозяйственная жизнь основана на причудливой морально-аморальной экономике, на комбинации совести и бессовестности, на изобретательном, лихом воровстве и угрюмой бережливости и даже скряжничестве, когда речь заходит о мелких тратах на людские нужды - установке вентиляторов, обогрвателей и т.п. А в итоге - на тоталь-

ном двоедушии, на социально-экономическом оборотничестве. Поэтому я думаю, что крестьяне - и неудобный, неуклюжий, и в то же время какой-то непонятный, я бы сказал, "посторонний" класс. Он систематически в стороне, "в сторонке", на обочине магистральных (или объявленных таковыми) социальных процессов. И там ему, судя по всему, удобно и комфортно. Он - чужой. Чужой всему: рациональности, демократии, рынку, писаной законности, правилам среднестатистической цивилизованности. Он - хитроватый наблюдатель внешнего ему мира. И это особое место он хорошо знает и бережет, уводя от него посторонних наблюдателей, как птица уводит от гнезда озорников. Вот лукавейшие крестьянские рассуждения, записанные недавно на севере России: *"Крестьянский народ - бестолковый! Приживется, так и в аду живет. Не ищет хорошей жизни. Вот, говорят: "Рыба ищет где глубже, а человек - где лучше..." Это - пустая поговорка. Человек живет, где родился!"* (Архангельская область, Пинежский р-н, д. Кобелево. Попов).